

Посвящение

Взошла заря. Чуть слышно прозвучали
Ее шаги, смутив мой легкий сон.
Я пробудился на своем привале
И вышел в горы, бодр и освежен.
Мои глаза любовно созерцали
Цветы в росе, прозрачный небосклон, —
И снова дня ликующая сила,
Мир обновив, мне сердце обновила.

Я в гору шел, а вокруг нее змеился
И медленно всходил туман густой.
Он плыл, он колыхался и клубился,
Он трепетал, крылатый, надо мной,
И кругозор сияющий затмился
Угрюмой и тяжелой пеленой.
Стесненный пара волнами седыми,
Я в сумрак погружался вместе с ними.

Но вдруг туман блеснул дрожащим светом,
Скользя и тая вокруг лесистых круч.
Пары редели в воздухе согретом.
Как жадно солнца ждал я из-за туч!
Каким встречать готовился приветом
Вдвойне прекрасный после мрака луч!
С туманом долго бой вело светило,
Вдруг ярким блеском взор мой ослепило.

А грудь стеснило бурное волнение,
«Открой глаза», — шепнуло что-то мне.
Я поднял взор, но только на мгновение:
Все полыхало, мир тонул в огне.
Но там, на тучах, — явь или виденье? —
Богиня мне предстала в вышине,
Она парила в светлом ореоле.
Такой красы я не видал дотолле.

«Ты узнаешь? — и ласково звучали
Ее слова. — Ты узнаешь, поэт,
Кому вверял ты все свои печали,
Чей пил бальзам во дни сердечных бед?
Я та, с кем боги жизнь твою связали,
Кого ты чтишь и любишь с юных лет,
Кому в восторге детском умиленья
Открыл ты сердца первые томленья».

«Да! — вскрикнул я и преклонил колени. —
Давно в мечтах твой образ был со мной.
Во дни опустошающих волнений
Ты мне дарила бодрость и покой,
И в знойный день ты шла, как добрый гений,
Колбля опахало надо мной.
Мне все дано тобой, благословенной,
И вне тебя — нет счастья во Вселенной!

Не названа по имени ты мною,
Хоть каждый мнит, что зрима ты ему,
Что он твоею шествует тропею
И свету сопричастен твоему.
С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познать дано мне одному,

И одному, таясь пред чуждым оком,
Твой пить нектар в блаженстве одиноком».

Богиня усмехнулась: «Ты не прав!
Так стоит ли являться мне пред вами?
Едва ты воле подчинил свой нрав,
Едва взглянул прозревшими глазами —
Уже, в мечтах сверхчеловеком став,
Забыв свой долг, ты мнишь других глупцами.
Но чем возвышен ты над остальными?
Познай себя — и в мире будешь с ними».

«Прости, — я вскрикнул, — я добра хотел!
Не для того ль глаза мои прозрели?
Прекрасный дар ты мне дала в удел,
И, радостный, иду я к высшей цели.
Я драгоценным кладом овладел,
И я хочу, чтоб люди им владели.
Зачем так страстно я искал пути,
Коль не дано мне братьев повести!»

Был взор богини полон снисхожденья,
Он взвешивал, казалось, в этот миг
И правоту мою, и заблужденье.
Но вдруг улыбкой дрогнул светлый лик,
И, дивного исполнясь дерзновенья,
Мой дух восторги новые постиг.
Доверчивый, безмолвный, благодарный,
Я поднял взор на образ лучезарный.

Тогда рука богини протянулась —
Как бы туман хотела снять она.
И — чудо! — мгла в ее руках свернулась,
Душистый пар свился, как пелена,

И предо мною небо распахнулось,
И вновь долин открылась глубина,
А на руке богини трепетало
Прозрачное, как дымка, покрывало.

«Пуškai ты слаб, — она мне говорила, —
Твой дух горит добра живым огнем.
Прими ж мой дар! Лучей полдневных сила
И аромат лесного утра в нем.
Он твой, поэт! Высокие светила
Тебя вели извилистым путем,
Чтоб Истина счастливцу даровала
Поэзии святое покрывало.

И если ты иль друг твой жаждет тени
В полдневный зной, — мой дар
ты в воздух взвей,
И в грудь вошьется аромат растений,
Прохлада вечеряющих полей.
Утихнет скорбь юдольных треволений,
И день блеснет, и станет ночь светлей,
Разгонит солнце душные туманы,
И ты забудешь боль сердечной раны».

Приди же, друг, под бременем идущий,
Придите все, кто знает жизни гнет,
Отныне вам идти зеленой кущей,
Отныне ваш и цвет, и сочный плод.
Плечом к плечу мы встретим день грядущий —
Так будем жить и так пойдем вперед.
И пусть потомок наш возвеселится,
Узнав, что дружба и за гробом длится.

ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

Моей матери

Пусть ни привета, ни письма от сына
Уже давно не получала ты,
Не дай в душе сомнению зародиться,
Не думай, что сыновняя любовь
Иссякла. Нет, как вековой утес,
Что бросил в море свой гранитный якорь,
Не сдвинется, хоть волны набегают,
То ласковы, то сумрачны и бурны,
Его громаду сиясь расшатать,
Так нежность никогда уйти не может
Из сердца моего, хоть море жизни,
То шумно пенясь под бичом страданий,
То кротко зыблясь под лучами счастья,
Ее своим разливом захлестнуло
И не дает ей выглянуть на солнце
И, засверкав неомраченным светом,
Твоим очам явить, как безгранично,
Как глубоко тебе твой предан сын.

Элегия на смерть брата моего друга

В глухом лесу на дубе, что когда-то
Был громом свален и разбит,
Я твоего оплакиваю брата,
Чей прах от нас так далеко зарыт.

Он ждал, придя к поре осенней,
Награды за свои дела,
Но смерть, не зная сожалений,
Все унесла.

И ты не плачешь? — Долгое прощанье
Надежду отняло. Господь его, любя,
Взял на небо допреж тебя.
Ты видел — и завидовал в молчанье.

Но чей там скорбный крик? — Я сам
Лечу душой к его могиле.
О, не ее ли сердце там
Кричит — в его могиле?

Так безутешна, так бледна,
Лишась надежды, счастья, мира,
Лишь на тебя, Господь, надеется она,
Красивейшая меж красавиц мира.

Кто прекратит ее мученье?
С небесной высоты взгляни
И смерть пошли ей в утешенье
Иль жизнь усопшему верни.

Дай ей опору в час ужасный,
Ты — милосердьё, ты — любовь.
Ты видишь, вся вина несчастной —
Ее священная любовь.

Она к венцу была уже готова,
С любимым слив себя навек,
Но князь, едва взглянув сурово,
Их путь пресек.

Князь! Жизнью жертвовали люди,
Твоей покорствуя причуде
И все прощая злой судьбе.
Но чувство, мысль, но мощь рассудка
Замкнуть тобой! — иль это шутка?
Бог отомстит за них тебе!

Прекрасным сердцем так страдал он!
Впервые слова не сдержал он,
Он слова, данного любимой, не сдержал,
Хоть прежде, чем он дал ей слово,
Уже не мыслил он иного:
Уже он ей навек принадлежал.

Он говорил: пока насилье правит,
Мне на земле с тобой не быть.
Но смерть моя тебя избавит
От страха, что могу я разлюбить.
Прости! Найдя мой крест — я знаю,
сердцем нежный,

Прольет слезу над верностью моей,
Но тирания тем скорей,
Хоть я простил ей неизбежный
Конец мой, повернет коня
И, злобясь, прочь поедет от меня.

Смена

Лежу средь лесного потока, счастливый,
Объятая раскрыл я волне шаловливой, —
Прильнула ко мне, сладострастьем дыша,
И вот уж смеется, дразня, убегая,
Но, ластясь, тотчас набегают другая,
И сменою радостей жизнь хороша.

И все же влачишь ты в печали напрасной
Часы драгоценные жизни прекрасной,
Затем, что подруга ушла, не любя.
Верни же веселье, мгновеньем играя!
Так сладко тебя расцелует вторая,
Как первая — не целовала тебя.

Прекрасная ночь

Вот с избушкой я прощаюсь,
Где любовь моя живет,
И бесшумно пробираюсь
Под лесной полночный свод.

Лунный луч, дробясь, мерцает
Меж дубами по кустам,
И береза воссылает
К небу сладкий фимиам.

Как живительна прохлада
Этой ночи здесь, в тиши!
Как целебна тут отрада
Человеческой души!

Эта ночь томит, врачуя,
Но и тысяч равных ей
Не сменяю на одну я
Милой девушки моей.

Мотылек

Вчера я долго веселился,
Смотря, как мотылек
Мелькал на солнышке, носился
С цветочка на цветок.

И милый цвет его менялся
Всечасно предо мной,
То алой тенью отливался,
То нежной голубой.

Я вслед за ним... но он быстрее
Виляет и кружит!
И вижу, вдруг, прильнув к лилее,
Недвижимый блестит!

Беру... и мой летун вертляной
Дрожит в моих руках.
Но где же блеск его румяной?
Где краски на крылах?

Увы! Коснувшись к ним перстами,
Я стер их нежный цвет!
И мотылек... он все с крылами.
Но красоты уж нет!

«Так наслажденье изменяет!» —
Вздыхнувши, я сказал:
«Пока не тронута — блистает!
Дотронься — блеск пропал!»

К луне

Света первого сестра,
Образ нежности в печали,
Вкруг тебя туманы встали,
Как фата из серебра.
Поступь легкую твою
Слышит все, что днем таится.
Чуть вспорхнет ночная птица,
Грустный призрак, я встаю.

Мир объемлешь взором ты,
Горней шествуя тропею.
Дай и мне взлететь с тобою
Силой пламенной мечты!
Чтоб, незримый в вышине,
Соглядатай сладострастный,
Тайно мог я ночью ясной
Видеть милую в окне.

Созерцаньем хоть в ночи
Скрашу горечь отдаленья.
Обостри мне силу зренья,
Взору дай твои лучи!
Ярче, ярче вспыхнет он, —
Пробудилась дорогая
И зовет меня, нагая,
Как тебя — Эндимион.

Брачная ночь

В покое сна, вдали от пира,
Эрот сидит и каждый миг
Трепещет, чтобы к ложу мира
Взор любопытный не проник.
И огонек едва мерцает
Пред ним в священной тишине,
И фимиам благоухает,
Чтоб насладились вы вполне.

И как дрожишь ты, час почуя,
Когда гостей уходит хор;
Горишь ты весь, ее целуя;
Она молчит, потупя взор.
Желаньем грудь твоя пылает;
Спешишь в святилище ты с ней —
И огонек едва мерцает,
Светясь бледнее и бледней.

И грудь ее дрожит, волнуясь, —
И нет в ней строгости былой:
Она умолкла, повинуюсь;
Быть смелым — долг отныне твой!
Эрот поспешно помогает
Тебе сорвать одежды с ней —
И шаловливо закрывает
Глаза рукою поскорей.

Цепочка

Послал я средь сего листочка
Из мелких кóлец тонку нить,
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь с нежнейшим дерзновеньем
Обнять твою ей шею вокруг:
Захочешь — будет украшеньем;
Не хочешь — спрячь ее в сундук.

Иной вить на тебя такую
Наложит цепь, что — ах! — грузна.
Обдумай мысль сию простую,
Красавица! — и будь умна.